

Бунаковъ, п. народныя быліны о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Съ объяснит. словомъ и примѣчаніями. М. 1915. Изд. 5-е. Карчагина. Стр. 154. Ц. 45 к.

Книжка покойнаго Н. Θ. Бунакова выходитъ пятымъ изданіемъ. Въ 4 изданіи она была вновь проредактирована и дополнена сыномъ покойнаго — А. Н. Бунаковымъ. Послѣдній внесъ въ книжку нѣкоторыя измѣненія, отчасти переработавъ вступительную статью къ сборнику соотвѣтственно новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области былевого эпоса. Напечатана здѣсь вновь одна былина, отсутствовавшая въ прежнихъ изданіяхъ, — «О Добрынь Никитичѣ и Настасѣ Микуличнѣ».

Книжки, подобныя разсматриваемой, могутъ принести ученикамъ извѣстную пользу, но въ нихъ сейчасъ, по справедливости говоря, нѣтъ особенной необходимости. Новѣйшіе учебники по народной словесности, какъ, напр., учебникъ Михайлова, Саводника, въ которыхъ довольно полно представлены быліны о старшихъ и младшихъ богатыряхъ, съ подробными комментаріями къ нимъ, съ успѣхомъ могутъ конкурировать съ книжками Бунакова, Чудинова и др. Вступительная статья къ сборнику Бунакова во многомъ уступаетъ соотвѣтствующимъ страницамъ въ вышеуказанныхъ учебникахъ. Здѣсь не представлена наглядно исторія развитія былевого эпоса у насъ и др. народовъ, нѣтъ яркихъ и живыхъ характеристикъ извѣстныхъ у насъ сказителей былинъ и ихъ собирателей. А эти личности интересуютъ учениковъ, равно какъ интересуется ихъ и исторія записи былинъ и другихъ народныхъ произведеній въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ ближайшіе къ намъ годы. «Каликамъ-перехожимъ» можно было бы посвятить самостоятельную главу. Слѣдовало увеличить число подстрочныхъ примѣчаній и въ концѣ сборника дать вопросы, исчерпывающіе содержаніе былинъ, и комментаріи къ нимъ (см., напр., «Вопросникъ по нар. словесности» В. Г. Михайлова. М. 1910 г. Ц. 30 к.).

Намъ кажется, что при изданіи пособій, специально предназначенныхъ для учащихся и имѣющихъ въ виду не весь курсъ исторіи народной словесности или письменности, а опредѣленные ихъ отдѣлы, пора бы нащупывать новые пути. Типъ школьныхъ пособій по литературѣ достаточно наскучилъ и устарѣлъ. Школьное пособие, затрогивающее извѣстный отдѣлъ курса или важный вопросъ программы, могло бы представлять изъ себя видъ особой монографіи, съ хорошо подобраннымъ и доступно изложеннымъ матеріаломъ, всесторонне раскрывающимъ тему. Все оно должно быть рассчитано не на одну память ученика, которая и безъ того въ нашей школѣ выполняетъ непосильную работу, а главнымъ образомъ — на его мышленіе, на пробужденіе самостоятельности молодого ума. Здѣсь можно было бы намѣтить рядъ темъ для самостоятельныхъ работъ, дать толковый указатель литературы трактуемаго вопроса.

А. Лебедевъ.

Ильинскій, Н. Хрестоматія къ курсу теоріи словесности. Изд. 3-е, значительно дополн., Кавказскаго Учебнаго Округа. Тифлисъ. 1914. Стр. 477. Ц. 1 руб. 40 к.

Передъ нами большого формата книга почти въ 500 страницъ. Много здѣсь собрано литературныхъ произведеній разныхъ родовъ и видовъ. Все содержаніе хрестоматіи заботливо разнесено по отдѣламъ, которыхъ насчитывается восемь, а отдѣлы разбиты по рубрикамъ. То тамъ, то здѣсь, но далеко не вездѣ, гдѣ слѣдовало бы, встрѣчаешь въ книгѣ г. Ильинскаго подстрочныя примѣчанія, объясняющія отдѣльное слово или цѣлое содержаніе изъ того литературнаго образца, который приводитъ авторъ.

Вотъ и все содержаніе большой по объему хрестоматіи къ курсу теоріи словесности. Хрестоматія выходитъ третьимъ изданіемъ на протяженіи, если не ошибаемся, десяти лѣтъ. Своей книгой г. Ильинскій пошелъ навстрѣчу пожеланіямъ Съѣзда преподавателей русскаго языка средн. учебн. заведеній Кавк. Учебнаго Округа въ 1904 г. и программу, выработанную Съѣздомъ, положилъ въ основаніе своей книги. Первоначально хрестоматія предназначалась для 5 и 6 классовъ женскихъ гимназій, а потомъ авторъ въ 3-мъ изданіи приспособилъ ее и для мужскихъ гимназій, вслѣдствіе чего значительно увеличилъ матеріалъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ.

Исходя изъ добраго намѣренія — «дать учащимся нѣкоторое представленіе объ эволюціи даннаго вида литературныхъ произведеній», авторъ умножилъ количество образцовъ античной и ложноклассической поэзіи. Въ отдѣлъ «Драма» внесъ отрывки изъ русской народно-комедіи, мистеріи, бытовой комедіи Островскаго и «Лирическія драмы» Чехова; въ «Народномъ эпосѣ» значительно пополнилъ количество былины и установилъ рядъ новыхъ подъотдѣловъ — духовные стихи, скоморошья пѣсни и т. д. Въ третьемъ изданіи появился не лишенный интереса отдѣлъ — «Образцы русскаго литературнаго языка съ XI вѣка до нашего времени», который, впрочемъ, не имѣетъ близкаго отношенія къ теоріи словесности. Въ приложеніи къ своей книгѣ напечаталъ авторъ и одну критическую статью Добролюбова о Катеринѣ изъ «Грозы» Островскаго. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ — почему только одну статью и въ особомъ приложеніи? Отчего бы не увеличить количество типичныхъ образцовъ критической литературы, знакомство съ которой ученикамъ такъ же, пожалуй, необходимо, какъ и съ выразительными средствами языка и разными сторонами сочиненія. Въ критической литературѣ можно найти прекрасныя страницы о поэзіи, ея сущности, отличіяхъ прозы отъ поэзіи, о задачахъ искусства, природы вдохновенія, особенностяхъ душевнаго склада поэтическихъ натуръ, о приемахъ художественнаго творчества и т. п.

Между тѣмъ въ большой по объему книгѣ г. Ильинскаго не нашлось, къ сожалѣнію, мѣста очень цѣнному и важному отдѣлу «Поэтъ и поэзія», при изученіи котораго ученики и ученицы могли бы получить хотя нѣкоторое представленіе о процессѣ художественнаго творчества, природы поэта, пониманіи имъ своихъ задачъ и отношеніи къ нему общества. Въ этомъ отношеніи новѣйшія хрестоматіи по теоріи словесности — «Нашъ міръ», составленный группой московскихъ преподавателей (ч. IV, изд. Думнова, 1912, ц. 1 р. 25 к.) и «Отблески» В. И. Попова (ч. III. Пг. 1914. Ц. 1 р. 50 к.), гдѣ указаные отдѣлы умѣло подобраны, безусловно имѣютъ преимущество передъ хрестоматіей г. Ильинскаго. Если авторъ, вообще не скупившійся на разнаго рода подраздѣленія, боялся введеніемъ новаго отдѣла сдѣлать свою книгу громоздкой, то онъ могъ бы здѣсь свободно поступиться

нѣкоторыми рубриками, хотя бы, напр., «Выразительными средствами языка». Въ этомъ отдѣлѣ, занимающемъ около 20 стр., авторъ подобралъ специально отрывки для ознакомленія учениковъ со всѣми особенностями художественной рѣчи, а вѣдь познакомить учащихся съ эпитетомъ, метафорой, ямбомъ, хореемъ и т. п. можно по многимъ произведеніямъ, разсыпаннымъ на 500 страницахъ книги.

Вмѣсто этого отдѣла «Выразительнаго средства языка» цѣлесообразнѣе было дать въ концѣ книги просто указатель статей и стихотвореній, изъ которыхъ удобно заимствовать примѣры на различные отдѣлы стилистики, какъ это сдѣлалъ, напр., г. Поповъ въ своихъ «Отблескахъ».

Отсутствіе вопросовъ къ даннымъ въ хрестоматіи произведеніямъ, которые будятъ мысль ученика и усиливаютъ его интересъ къ теоріи словесности, нельзя поставить въ заслугу г. Ильинскому.

Конечно, ничего нельзя возразить противъ основного принципа, которымъ руководился г. Ильинскій при составленіи своего сборника, — не помѣщать на страницахъ учебной хрестоматіи значительныхъ по объему отрывковъ изъ такихъ произведеній, которыя имѣются въ дешевыхъ изданіяхъ. Но авторъ не вездѣ выдерживаетъ этотъ принципъ. Онъ, напр., помѣщаетъ въ своей хрестоматіи «Слово о полку Игоревѣ», да еще въ отрывкахъ. По нашему мнѣнію, этотъ памятникъ 12 вѣка совсѣмъ не слѣдовало помѣщать — изданій «Слова» у насъ такъ много и хорошихъ — а уже если помѣщать, то отнюдь не въ отрывкахъ, хотя бы и съ специальной цѣлью. Можно бы опустить «Грозу» Островскаго, занимающую въ книгѣ 20 страницъ, и другіе образцы.

Весьма похвально стремленіе автора *обновить* до нѣкоторой степени хрестоматійный матеріалъ, или «давая произведенія иностранныхъ писателей въ новыхъ переводахъ, или помѣщая въ качествѣ литературныхъ образцовъ, поскольку это согласуется съ установленными программами, прозу и стихи новѣйшихъ авторовъ». По сравненію съ прежними хрестоматіями Галахова, Поливанова матеріалъ въ книгѣ Ильинскаго действительно подновленъ. Здѣсь есть и Бальмонтъ съ его «Фантазіей», «Камышами», Бунинъ, Короленко, Надсонъ, Ѡ. Соллогубъ, Ключевскій, Кони (Воспоминанія о Тургеневѣ и Достоевскомъ), В. Соловьевъ, хотя они и не предусмотрены официальными программами. Но мы должны предостеречь читателя — новымъ писателямъ отведено слишкомъ скромное мѣстечко въ большой книгѣ г. Ильинскаго. Онъ медленно и осторожно шагаетъ по пути освобожденія хрестоматіи отъ устарѣвшаго литературнаго матеріала. Вводя въ обиходъ школы новыхъ поэтовъ, онъ все время оглядывается назадъ, на старыхъ кумировъ.

Напр., въ отдѣлѣ «Ода» на долю Пушкина и А. Толстого приходится только по одному произведенію, а въ остальномъ царствуютъ Пиндаръ и Горацій, Ломоносовъ и Державинъ; въ отдѣлѣ «Баллада» господствуетъ Шиллеръ въ передѣлкѣ Жуковскаго; «Исторія» состоитъ только изъ трехъ отрывковъ изъ Карамзина и Соловьева; на лиро-эпическую поэму данъ только одинъ образецъ «Шильонскій узникъ» Байрона. Но есть и недурно подобранные отдѣлы, значительно освѣженные, напр., «Элегія», «Пѣсня» (искусств. лирики), «Анакреонтическая лирика».

Несмотря на обиліе рубрикъ, книга г. Ильинскаго не исчерпываетъ всѣхъ видовъ поэзіи и прозы. Напр., ода не имѣетъ нужныхъ подраздѣленій на религіозную, хвалебную, патріотическую, изъ видовъ прозы не указана біографія. Но дѣло, конечно, не въ отдѣлахъ и ихъ подраздѣленіяхъ. При желаніи количество всякихъ подраздѣленій можно еще увеличить. Мы лично многія рубрики уничтожили бы совсѣмъ, соединивъ нѣкоторыя въ одну, а количество образцовъ

кое-гдѣ значительно бы увеличили. Напр., отдѣлъ «Образцы лирическихъ произведеній», гдѣ помѣщено около десятка стихотвореній съ цѣлью дать ученикамъ общее понятіе о лирической поэзіи, мы расширили бы. Этого отдѣла важенъ. Пусть ученики получаютъ возможность познакомиться со всѣмъ разнообразіемъ индивидуальныхъ переживаній поэтовъ и выраженіями ихъ въ словѣ. Такъ бы мы поступили и съ отдѣломъ «Характеристики и разсужденія».

Въ конечномъ итогѣ по хрестомати г. Ильинскаго работать въ школѣ можно. А талантливый преподаватель, умѣющій дать къ ней хорошей комментарий, хорошо можетъ ее использовать. Въ слѣдующихъ изданіяхъ автору слѣдовало бы ее переработать не въ смыслѣ увеличенія ея матеріала, а въ смыслѣ улучшенія его качества, приспособленія ея къ запросамъ и интересамъ учащихся.

А. Лебедевъ.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ, XVIII в. Ч. I. Отъ Петра до Екатерины II. Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. М. 1914. Изд. «Задруга», стр. 431. Ц. 1 р. 25 к.

Историкъ въ средней школѣ, а также и словесникъ могутъ только благодарить авторовъ за ихъ полезную книгу. Первому она необходима, какъ пособие при подготовкѣ къ урокамъ, второму, какъ одно изъ средствъ оживлять преподаваніе при прохожденіи соотвѣтствующаго курса исторіи литературы Петровскаго періода. Книга можетъ быть использована и учащимися при разработкѣ историческихъ и историко-литературныхъ темъ въ домашнихъ сочиненіяхъ, хотя она и не предназначается специально для школы.

Исторія нашего прошлаго быта, воспроизведенная въ яркихъ извлеченіяхъ изъ воспоминаній современниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, особенно дорога для провинціи, которой такъ недоступна вся мемуарная литература, замѣтно выросшая въ послѣдніе годы. Провинція, какъ извѣстно, во многомъ живетъ на счетъ столицы. Откуда обыватель можетъ познакомиться съ такими, напр., чрезвычайно цѣнными свидѣтельствами, какъ «Путевой Дневникъ» П. Толстого, виднаго сотрудника Петра I, или «Дневникомъ» кн. Куракина, не говоря уже о цѣломъ рядѣ иностранцевъ, какъ, напр., Дж. Перри, Юсть-Юль, Ф. Веберъ, Дюкъ Лирийскій, Ф. Берхгольцъ и др.

Между тѣмъ въ рассматриваемой книгѣ любовно и тщательно собранъ богатый историческій матеріалъ изъ разнообразныхъ источниковъ, при чемъ онъ освѣщаетъ одну изъ интереснѣйшихъ эпохъ въ жизни нашего отечества — эпоху перелома въ русскомъ обществѣ въ царствованіе Петра. 1-й томъ охватываетъ періодъ съ 1698 по 1761 гг. и распадается на двѣ части, рубежомъ которыхъ является 1725 г. Всѣ отрывки расположены въ извѣстной системѣ, разбиты на нѣсколько отдѣловъ, и матеріалъ въ нихъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. Конечно, самыя заглавія отдѣловъ не всѣхъ могутъ удовлетворить, такъ какъ всякая схема вообще вещь условная, но вѣдь добиться точности въ подобнаго рода изданіяхъ невозможно, да притомъ это нисколько не умаляетъ внутреннихъ достоинствъ книги. Чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о содержаніи сборника, мы приведемъ заглавія самыхъ отдѣловъ. Въ 1 части даны такіе отдѣлы: «Русскіе за границей», «Дома послѣ заграничныхъ поѣздокъ»,

«Быть и нравы до и послѣ реформъ», «Придворная жизнь», «Новая столица и провинція», «Образованіе и церковь», «Военныя мѣропріятія», «Иностранцы въ Россіи», «Итоги царствованія». Вторая часть разбита на слѣдующіе отдѣлы: «Дворцовые перевороты», «Придворная жизнь» (особенно богато представленъ отдѣлъ), «Изъ провинціи въ столицу», «Въ провинціи», «Образованіе и воспитаніе», «Войско».

Всѣ отрывки не одинаковы по объему. Есть въ нѣсколько строкъ, какъ, напр., малоостроумная шутка императрицы Екатерины II, приказавшей ударить въ набатъ, который многихъ жителей ввелъ въ обманъ и познакомилъ съ первымъ апрѣля; но есть извлеченія и въ нѣсколько страницъ изъ Д. Лирійскаго, Болотова, кн. Шаховскаго и др. Мемуары, записки и письма, приводимые въ книгѣ, касаются разныхъ сторонъ русскаго быта, проявленій русскаго характера. Передъ читателемъ проходитъ подлинная жизнь его далекихъ предковъ со всеми ея скорбями, трагедіями, со всеми ея чудачествами, полными легкомыслія. Особенно интересно обрисована жизнь придворныхъ сферъ.

Книга издана хорошо, цѣна ея невысока. Хотѣлось бы поскорѣ увидѣть напечатаннымъ второй томъ «Русскаго быта», который долженъ охватить наиболѣе интересную эпоху — съ Екатерины II до реформы Царя-Освободителя.

А. Лебедевъ.

«Весна». Первая книга для чтенія. Составили А. П. Губская, П. Е. Мельгунова и Т. А. Окуличъ. Рисунки Н. Живаго, Б. Каменскаго и В. Каррика. Обложка Б. Каменскаго. Изд. «Здруга», Москва 1914 г., ц. 35 коп.

Несмотря на то, что за послѣдніе годы замѣтно значительное оживленіе въ дѣлѣ составленія книгъ для чтенія въ школахъ — мы все же не можемъ сказать, что въ этомъ отношеніи уже нечего дѣлать новымъ составителямъ: книгъ для класснаго чтенія составлено много, а выбрать подходящую для школы оказывается дѣломъ очень труднымъ. Поэтому слѣдуетъ привѣтствовать всякое начинаніе въ этомъ важномъ дѣлѣ, особенно — если въ этомъ начинаніи замѣтенъ опредѣленный планъ, стремящійся осуществить опредѣленные принципы (ибо есть и такія книги для чтенія, которыя представляютъ изъ себя случайный наборъ едва ли не первыхъ попавшихся статей и стихотвореній, сказокъ и побасенокъ).

Составители «Весны», предполагая выпустить послѣдовательный рядъ книжекъ для чтенія въ классѣ и дома, ставятъ для себя слѣдующія задачи: «1) на образцахъ произведеній лучшихъ художниковъ слова, русскихъ и иностранныхъ, познакомить дѣтей съ различными проявленіями общественной жизни, частью которой являются также и они; 2) развить въ нихъ чувство рѣчи и пробудить радость творчества; 3) поддержать бодрое и радостное настроеніе, стремленіе къ самостоятельности и самодѣятельности».

Первая изъ поставленныхъ задачъ, формулированная ясно и опредѣленно, является вполнѣ понятной. Но нельзя сказать того же о двухъ другихъ задачахъ, — вѣрнѣе, о вторыхъ половинахъ въ формулировкѣ этихъ задачъ. «Развить въ дѣтяхъ чувство рѣчи» — это понятно, но какъ хотятъ составители при посредствѣ книги для чтенія «пробудить (въ нихъ) радость творчества», остается невыясненнымъ; можетъ быть здѣсь дѣло просто въ неясности формулировки. Еще болѣе невыясненнымъ является, какъ составители хотятъ книгой для чтенія «поддержать стремленія къ самостоятельности и самодѣятельности». Возможно, что дальнѣйшіе

выпуски «Весны» разъясняют смысл этих заданий, — но и по отношению къ «первой книгѣ» составители дѣлають оговорку лишь относительно невыполненія въ ней первой изъ поставленныхъ задачъ, такъ какъ «въ виду трудности языка» для нея «не удалось подобрать матеріалъ изъ образцовъ исключительно художественной литературы». Значитъ, двѣ другія задачи въ первой книгѣ составители считаютъ выполненными. Однако, внимательно ознакомившись со всѣмъ матеріаломъ этой части «Весны», мы не уловили, въ чемъ здѣсь сказались задания составителей «пробудить радость творчества», а тѣмъ болѣе «поддержать стремленіе къ самостоятельности и самодѣятельности». Если бы мы захотѣли усмотрѣть ихъ въ помѣщеніи нѣсколькихъ рассказовъ самихъ дѣтей о своей жизни, рассказовъ, взятыхъ по словамъ составителей, изъ дѣтскихъ сочиненій — письменныхъ и устныхъ, то на это не уполномочиваетъ насъ ни какой-либо особенный характеръ этихъ рассказовъ, рассчитанныхъ на «зараженіе» такимъ же стремленіемъ къ составленію рассказовъ другихъ дѣтей-читателей, ни самое мѣсто этихъ рассказовъ въ ряду другихъ литературныхъ рассказовъ и стихотвореній — безъ всякаго выдѣленія ихъ или паузы для нихъ. Да и помимо того — введеніе въ книги для чтенія рассказовъ самихъ школьниковъ не является новостью: примѣръ Л. Н. Толстого давно уже нашель для себя подражателей.

Если однако оставить въ сторонѣ нѣсколько неясную формулировку задачъ и разсмотрѣть «первую книгу» Губской, Мельгуновой и Окуличъ не съ точки зрѣнія соответствія матеріала и расположенія его вышеуказаннымъ задачамъ, а съ точки зрѣнія соответствія того и другого дѣтской психикѣ, дѣтскимъ переживаніямъ и интересамъ, — то книгу нужно считать удачно составленной. Весь матеріалъ безусловно доступенъ дѣтямъ, всѣ статейки, стихотворенія, рассказы и сказки будутъ не только понятны дѣтямъ, но и занимательны для нихъ. При томъ же расположенъ весь матеріалъ съ соблюденіемъ строгой последовательности «отъ легкаго къ трудному»; въ большинствѣ случаевъ выдержана и связь между отдѣльными статьями. Въ началѣ книги статьи иллюстрируются довольно обильно рисунками, потомъ ихъ становится меньше, а во второй части книги, гдѣ помѣщены статьи сравнительно большія по объему, ихъ становится еще меньше.

Первая часть книги концентрируетъ матеріалъ вокругъ зимы и праздника Рождества Христова, а вторая — вокругъ весны и праздника Пасхи.

Отсутствіе въ книгѣ плановъ или вопросовъ, мотивируемое составительницами нежеланіемъ навязывать тѣхъ или иныхъ методовъ при пользованіи книгой, не составляетъ, конечно, большого недостатка книги, хотя нельзя согласиться съ тѣмъ, будто наличность плановъ или вопросовъ связала бы учителя при пользованіи книгой. Въ большинствѣ случаевъ такая наличность является полезной, наталкивая не только дѣтей, но и самого учителя на рядъ мыслей и вопросовъ, вызываемыхъ статьей или рядомъ статей.

Внѣшнюю сторону изданія нужно считать въ общемъ удовлетворительною: бумага хорошая, печать четкая и безъ опечатковъ, рисунки хорошіе. Только размѣръ книги въ ширину насъ не очень удовлетворяеть. Первая книга предназначается для дѣтей, еще не окрѣпшихъ въ механизмѣ чтенія. Такимъ дѣтямъ трудно слѣдить за текстомъ по очень длинной строкѣ и легко сбиться съ нея и не сразу отыскать ее. Важно при томъ же пріучать глазъ къ тому, чтобы онъ почти охватывалъ всю строку, связывая тѣмъ самымъ отдѣльные слова фразы.

Цѣну книги слѣдуетъ считать умѣренной, скорѣе даже низкой.

Н. Гусевъ и Н. Сидоровъ. «Учебникъ синтаксиса русскаго языка. Для III класса средне-учебныхъ заведеній». Москва. Изданіе бр. Башмаковыхъ. 1914. Цѣна въ папкѣ 50 коп.

Учебникъ, заглавіе котораго выписано выше, производить, въ общемъ, очень отрадное впечатлѣніе. Читая его, чувствуешь, что уже не за горами то время, когда должны будутъ прекратиться сѣтованія ученыхъ филологовъ на то, что нашъ школьный (элементарный) синтаксисъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ научными данными въ этой области. Стремленіе построить школьный синтаксисъ на научныхъ основаніяхъ проявлялось и раньше въ нашей учебной литературѣ послѣднихъ годовъ; новый учебникъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ собою болѣе твердый, болѣе рѣшительный шагъ на томъ пути, который такъ или иначе пролагался вначалѣ другими (Брешенковъ, Лавровъ, Самсоновъ). Грамматика, изучая формы отдѣльныхъ словъ и формы сочетаній словъ, имѣетъ свой собственный — формальный — принципъ и должна быть строго отдѣлена отъ логики, на что указывалъ еще профессоръ Потембнъ. Наша же обычная школьная грамматика сплошь построена на логическомъ принципѣ, что и заставляло ученыхъ филологовъ винить составителей учебниковъ въ косности. «Но въѣдь должны же быть предѣлы всякой косности и отсталости», писалъ профессоръ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій въ 1912 г. («Синтаксисъ русскаго языка», изданіе 2-е, стр. 320): «Можно, пожалуй, отставать лѣтъ на 5, даже на 10, но отставать на 30 лѣтъ — это уже слишкомъ». Позволю себѣ замѣтить здѣсь мимоходомъ, что упреки, дѣлаемые школьнымъ грамматикамъ (говорю о синтаксисѣ), слѣдуетъ принять съ извѣстной оговоркой. Дѣло въ томъ, что научный синтаксисъ далеко не разработанъ во всѣхъ деталяхъ, и между учеными филологами еще очень большое разногласіе по поводу того, какъ же строить систему русскаго синтаксиса. Пока дѣло идетъ о принципахъ, все ясно и почти неоспоримо. Вспомнимъ, напримѣръ, съ какой удивительной ясностью и точностью установлены принципы русскаго синтаксиса у профессора Д. Н. Кудрявскаго («Введеніе въ языкознаніе», 1912 г., § 3; то же, въ сокращеніи, въ статьѣ «Школьная и научная грамматика» въ книгѣ Новиковой «Руководство къ книгѣ «Русскій языкъ»). Но въ разработкѣ подробностей уже нѣтъ согласія между учеными; «Синтаксисъ русскаго языка» проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго (2-е изд. въ 1912 г.) даетъ одно; «Основы синтаксиса русскаго языка» и примыкающій къ нимъ «Учебникъ грамматики русскаго языка. Часть II. Синтаксисъ» профессора Е. Ѳ. Будде даютъ совершенно другое. Въ трудѣ проф. Овсяннико-Куликовскаго формальный принципъ не вездѣ проведенъ съ неуклонною послѣдовательностью, въ трудахъ проф. Будде въ этомъ отношеніи встрѣчаются значительныя неясности. Весной 1914 г. появился «Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи» А. М. Пѣтковскаго, трудъ, въ которомъ формальный принципъ нашелъ себѣ самое яркое отраженіе — и вотъ уже въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за декабрь 1914 г. является рѣзкая критика на эту книгу профессора Е. Ѳ. Будде. Что же дѣлать школьной грамматикѣ? за кѣмъ ей итти? Вопросъ, несомнѣнно, трудный. Но въ то же время стоять школьной грамматикѣ на мѣстѣ врядъ ли слѣдуетъ. О принципѣ, который долженъ быть положенъ въ основу грамматики, въѣдь ужъ спора почти нѣтъ. Остается только быть возможно болѣе вѣрнымъ основному принципу и, если понадобится, бороться за него, не покладая рукъ.

Учебникъ Гусева и Сидорова, вышедшій нѣсколько ранѣ упомянутой книги А. М. Пѣтковского, даетъ, въ общемъ, весьма стройную систему синтаксиса, покоящуюся на строго проведенномъ формальномъ принципѣ. Книга построена такъ, что въ началѣ cadaго параграфа приводится матеріаль для грамматическаго разбора, затѣмъ ставятся вопросы, пользуясь которыми слѣдуетъ вести этотъ разборъ, и, наконецъ, даются немногословные, вполне опредѣленные выводы изъ разобраннаго грамматическаго матеріала. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ книгѣ, для грамматическаго разбора, очень много матеріала и притомъ вполне литературнаго, такъ что, дѣйствительно, есть на чемъ учиться синтаксису.

Привѣтствуя, въ общемъ, появленіе учебника Гусева и Сидорова, какъ таково, который, во всякомъ случаѣ, близокъ къ «наукообразному», я укажу нѣсколько пунктовъ, гдѣ, мнѣ кажется, слѣдовало бы сдѣлать или дополненія, или же нѣкоторыя измѣненія въ сторону большей вѣрности формальному принципу. Прежде всего, не естественно ли въ строго формальномъ синтаксисѣ, въ самомъ началѣ, передъ параграфомъ «Рѣчь и предложеніе», сказать о томъ, что такое форма слова, что такое слова съ формою и слова безъ формы, что такое грамматическіе и неграмматическіе классы словъ, а потомъ, въ отдѣлѣ о предложеніи, упомянуть о грамматическихъ и неграмматическихъ членахъ предложенія. Я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ г. А. М. Пѣтковского, что «последовательное различеніе въ школѣ «грамматическаго» и «неграмматическаго» въ языкѣ, хотя бы и въ условномъ пониманіи этихъ терминовъ (вмѣсто «морфологическаго» и «неморфологическаго») представляетъ наиболѣе практичнымъ и полезнымъ въ смыслѣ выясненія дѣтямъ самаго существа грамматики» («Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи», стр. 368). Въ синтаксисѣ простаго предложенія не вполне удачно изложенъ въ учебникѣ Гусева и Сидорова отдѣлъ объ обстоятельствахъ, а равно и то, что относится къ инфинитиву (неопредѣленной формы глагола). Разъ только мы отступимъ отъ строго формальнаго пониманія термина «управленіе словъ», сейчасъ же для учащихся создаются невѣроятныя трудности и просторъ для гаданій въ ту или другую сторону. Мы можемъ различать степени управленія одного слова другимъ и самую слабую степень назвать «примыканіемъ», какъ это дѣлаетъ Пѣтковский въ своемъ «Синтаксисѣ»; упражненія въ опредѣленіи степени управленія могутъ быть очень полезны для учащихся, но послѣдніе, во всякомъ случаѣ, должны твердо знать, что, на примѣръ, во фразахъ: «Дымъ багровый к л у б а м и всходитъ къ не б е с а м ъ», «Лѣсомъ частымъ и дремучимъ по тр о п и н о ч к ѣ лѣсной ѣхаль всадникъ», «Событіе произошло второго я н в а р я», «Я бралъ по т р и рубля аршинъ», «О т ѣ безсонницы разболѣлась голова» — слова «клубами», «къ небесамъ», «лѣсомъ», «по тропиночкѣ», «января», «по три», «отъ бессонницы» съ точки зрѣнія ихъ формальнаго содержанія — д о о п л е н і я и больше ничѣмъ быть не могутъ (примѣръ взятъ изъ § 14 учебника Гусева и Сидорова, посвященнаго обстоятельствамъ). И врядъ ли слѣдуетъ дѣлать насиліе надъ грамматикой въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ въ предложеніи, такъ сказать, промежуточную форму между дополненіемъ и обстоятельствомъ, т. е. когда надежная форма имени съ предлогомъ или безъ него не превратилась еще вполне въ неграмматическое нарѣчіе; мы можемъ, пожалуй, войти съ учащимися въ тонкій анализъ значеній интересующихъ насъ словъ, но, во всякомъ случаѣ, должны опредѣленно считать такія дополненія, не обратившіяся еще въ обстоятельства, но стоящія на пути къ такому превращенію, — именно дополненіями.

Что касается неопредѣленной формы глагола (инфинитива), то, по отношенію къ ней, въ учебникѣ Гусева и Сидорова, къ сожалѣнію, допущены нѣкоторыя

противорѣчія. Въ § 6, среди примѣровъ, на основаніи которыхъ надо знакомиться съ формами выраженія подлежащаго, есть такіе: «Скучно намъ слушать осеннюю выюгу, скучно склоняться до самой земли.» «Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать, листья ногой загребать»; ясно, что за подлежащія рекомендуется признать слова «слушать», «склоняться», «бѣжать», «загребать». Въ § 8, гдѣ изучается «сказуемое въ безличныхъ предложеніяхъ», есть примѣръ: «Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить» и въ концѣ §: «Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ», при чемъ, очевидно, эти предложенія трактуются, какъ безличныя, со сказуемыми (двойными) «утѣшно раздѣлить», «любо оглядѣться», «любо погрузить». Между тѣмъ совершенно ясно, что приведенные мною примѣры изъ § 6 и § 8 синтаксически однородны. Что-нибудь ужъ одно. Либо здѣсь всѣ инфинитивы — подлежащія, либо — второстепенныя сказуемыя безличнаго предложенія, составляющія съ другимъ элементомъ двойное сказуемое. Въ § 8 есть еще такіе примѣры: «Было рѣшено ѣхать въ деревню», «Природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно», при чемъ слова «было рѣшено ѣхать», «суждено прорубить» трактуются, какъ сказуемыя (инфинитивы въ нихъ — второстепенныя сказуемыя). А въ § 6, въ примѣрѣ «Было велѣно остановиться и зажечь мостъ» слова «остановиться» и «зажечь» даются, какъ подлежащія. Итакъ, по отношенію къ инфинитиву въ учебникѣ Гусева и Сидорова есть противорѣчія. Но если устранять ихъ, то въ какую сторону? Несомнѣнно, слѣдовало бы признать, что во всѣхъ выше приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ инфинитивомъ, какъ второстепеннымъ сказуемымъ. Это, кажется, можетъ считаться твердо установленнымъ, и въ учебникѣ, по нашему мнѣнію, не должно быть въ этомъ отношеніи колебаній. Но есть еще нѣкоторые случаи употребленія неопредѣленной формы глагола, при сужденіи о которыхъ не можетъ быть такой опредѣленности и безспорности. Сюда относятся случаи, иллюстрируемые слѣдующими примѣрами: «Любить ближняго — прямая обязанность христіанина», «Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ», «Жить въ памяти людей не есть мечта» (учебникъ Гусева и Сидорова, § 6, гдѣ говорится о выраженіи подлежащаго). Инфинитивы въ этихъ примѣрахъ играютъ какъ-будто уже другую роль, чѣмъ инфинитивы въ ранѣе приведенныхъ примѣрахъ. Авторы разбираемаго учебника видятъ здѣсь въ инфинитивахъ подлежащія. Въ «Русскомъ синтаксисѣ» Пѣтковскаго подобныя инфинитивы тоже признаются замѣщающими подлежащее (стр. 362), хотя тутъ же говорится, что инфинитивъ съ относящимися къ нему словами составляетъ здѣсь какъ бы отдѣльное предложеніе, которое «замѣщаетъ подлежащее для сосѣдняго, нуждающагося въ немъ предложенія». Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій («Синтаксисъ рус. языка»), изд. 2-е, стр. 190—191) опредѣленнѣе говорить, что и здѣсь инфинитивъ — с к а з у е м о е въ «бесубъектномъ» предложеніи, а это предложеніе замѣщаетъ подлежащее въ другомъ предложеніи («приравнивается къ подлежащему»). Вопросъ трудный. Но мнѣ бы казалось, что въ учебникѣ скорѣе уместна та постановка этого вопроса, при которой инфинитивъ разсматривается здѣсь какъ сказуемое, и именно второстепенное, при чемъ главное сказуемое при такомъ второстепенномъ отсутствовать, а все предложеніе является замѣстителемъ подлежащаго для другого предложенія. При такой постановкѣ вопроса для формы инфинитива въ предложеніи признавалась бы только одна роль — роль второстепеннаго сказуемаго. Этому положенію не препятствовали бы и другихъ два случая употребленія инфинитива, по отношенію къ которымъ и учебникъ Гусева и Сидорова, наперекоръ нашей традиціонной грамматикѣ, признаетъ инфинитивы за второстепенныя

сказуемая: это, во-первых, такіе случаи, какъ «Не мастерица я полки-то разбирать», «И лгать великая охотница она», «Величайшій его недостатокъ — охота лгать» «Мастеръ я рытьсь въ мукъ» (уч. Гусева и Сидорова, § 7, стр. 16 и 20), а, во-вторыхъ, такіе случаи, какъ «Не пойму охоты трудиться цѣлый вѣкъ», «Охотники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ къ берегамъ», «Немного надобно ума пастискотину» (уч. Гусева и Сидорова, § 7, стр. 20). По отношенію къ инфинитиву въ послѣдней группѣ примѣровъ, мнѣ кажется, въ учебникѣ необходимо должна была бы быть сдѣлана оговорка, что второстепенное сказуемое можетъ присоединяться и не прямо къ сказуемому, выраженному личной формой глагола, но и къ другимъ членамъ предложенія.

Отдѣлъ о сложномъ предложеніи, такъ же богато обставленный примѣрами, какъ и отдѣлъ о простомъ предложеніи, изложенъ въ учебникѣ Гусева и Сидорова, въ общемъ, безъ большихъ отступленій отъ традиціонной «логической» грамматики; но, конечно, ученіе о «сокращенныхъ предложеніяхъ» выпущено, какъ уже совершенно ненаучное. Правда, «вопросовъ» для придаточныхъ предложеній нѣтъ; послѣднія опредѣляются въ зависимости отъ того, къ какому указательному мѣстоименію или нарѣчію (явному или подразумеваемому) они относятся. И если указательное мѣстоименіе было въ роли подлежащаго, то и придаточное предложене — подлежащее и т. д. Такимъ образомъ, въ сложномъ предложеніи «Что волки жадны, всякій знаетъ» придаточное предложене — дополнительное; въ сложномъ «Что волки жадны, всѣмъ извѣстно» придаточное подлежащее; въ сложномъ «Мысль Крылова — та, что волки жадны» придаточное сказуемое; въ сложномъ «Общезвѣстна мысль, что волки жадны» придаточное опредѣлительное. Эти примѣры я привожу изъ «Введенія въ языковѣдніе» проф. Д. Н. Кудрявскаго (стр. 124—125); первый примѣръ имѣется и въ разбираемомъ мной учебникѣ, а остальные вполнѣ отвѣчаютъ его положеніямъ. Ознакомившись съ данными примѣрами и съ тѣмъ, какъ они трактуются въ нашей школьной грамматикѣ, а равно и въ учебникѣ Гусева и Сидорова, нельзя не согласиться со слѣдующими заключеніями профессора Кудрявскаго: «Такимъ образомъ оказывается, что одно и то же предложене можетъ быть чѣмъ угодно, смотря по тому, рядомъ съ чѣмъ оно стоитъ. Это значитъ опредѣлять елку, какъ дерево, около котораго лежать еловыя шишки; понятно, что въ такомъ случаѣ елкою можно назвать и березу, подъ которой валяются еловыя шишки. Ясно, что такая классификація ничего не говоритъ о самыхъ придаточныхъ предложеніяхъ и не принимаетъ во вниманіе ни одного ихъ признака. И здѣсь, стало быть, мы приходимъ къ необходимости стать на формальную точку зрѣнія... Очевидно, при изученіи придаточныхъ предложеній все наше вниманіе должно сосредоточиться на развитіи тѣхъ элементовъ, которые соединяють придаточное предложене съ главнымъ». Въ учебникѣ Гусева и Сидорова обращено вниманіе на то, о чемъ говорится въ послѣдней фразѣ проф. Кудрявскаго («Учебникъ синтаксиса русскаго языка», § 20, о союзномъ и относительномъ подчиненіи), но въ дальнѣйшемъ авторы не отказались отъ логической классификаціи придаточныхъ предложеній. Соответствующій отдѣлъ основательно разработанъ въ «Русскомъ синтаксисѣ» А. М. Пѣтковского (гл. XXI, стр. 403—434).

Вотъ главное, что хотѣлось сказать объ «Учебникѣ синтаксиса русскаго языка» Гусева и Сидорова. Въ немъ не вездѣ строго проведена формальная, единственно научная въ грамматикѣ, точка зрѣнія. Но, указывая на это, я хотѣлъ бы все-таки сказать, что желаю учебнику самаго широкаго распространенія; и въ его

теперешнем видѣ учебникъ этотъ вносить слишкомъ много новаго въ области синтаксиса въ школьный обиходъ; онъ повлекъ бы за собой ломку тѣхъ ложныхъ грамматическихъ представлений, которыми проникнуты у насъ и наши учащіяся и, пожалуй, въ гораздо большей степени, многіе изъ учащихся. Пусть въ учебникѣ не все еще стоитъ на научной высотѣ: во всякомъ случаѣ отъ него шагъ впередъ будетъ несравненно легче, чѣмъ отъ тѣхъ традиціонныхъ учебниковъ, которые долго еще не выведутся въ нашихъ школахъ.

Н. И. Шатерниковъ.

Александръ Селихановичъ, «Философская пропедевтика въ средней школѣ. (Мысли и впечатлѣнія учителя)». Кіевъ, Ц. 40 коп.

Небольшая по размѣру, но цѣнная по содержанію книжка г. Селихановича имѣетъ цѣлью дать нѣкоторыя указанія преподавателямъ философской пропедевтики въ средней школѣ, познакомить ихъ съ тѣми взглядами на преподаваніе этой науки, которые выработались у автора путемъ довольно продолжительнаго педагогическаго опыта. Справедливость требуетъ признать, что задачу свою авторъ выполнилъ весьма тщательно, давъ цѣнные указанія на всѣ неясные вопросы, возникающіе при преподаваніи данной науки въ средней школѣ. Авторъ не ограничивается перечисленіемъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ всякій преподаватель философской пропедевтики при классной работѣ, но въ большинствѣ случаевъ даетъ краткое, точное и ясное изложеніе основныхъ взглядовъ и разногласій по тѣмъ вопросамъ, которые до сихъ поръ составляютъ постоянный предметъ обсуждения и спора среди представителей даже чисто научной логики и психологіи. Излагая эти взгляды и разногласія, авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполне опредѣленно высказывается за то или другое разрѣшеніе спорнаго вопроса, въ другихъ ограничивается яснымъ и точнымъ изложеніемъ существующихъ въ научномъ обиходѣ взглядовъ. Вполнѣ справедливо авторъ указываетъ, что самое наименованіе предмета «философской пропедевтикой» по существу дѣла не имѣетъ достаточнаго основанія. Дѣйствительно, современная экспериментальная психологія съ большимъ правомъ можетъ быть отнесена къ разряду наукъ естественныхъ, а не къ философіи. Что же касается логики, особенно въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она можетъ изучаться въ средней школѣ, то врядъ ли она тѣсно связана съ ученіемъ о различныхъ философскихъ системахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ философскія идеи, разнообразныя по своему содержанію, могутъ быть усвоены и поняты только послѣ долгаго и напряженнаго изученія, а вводить изученіе въ среднюю школу хотя бы общаго обзора философскихъ проблемъ и попытокъ ихъ рѣшеній, часто взаимно противорѣчивыхъ, какъ основательно замѣчаетъ авторъ, можетъ повести лишь къ возникновенію въ умахъ учащихся дешеваго скептицизма по отношенію къ самой философіи. Вполнѣ справедливо указаніе автора и на тѣ трудности, которыя могутъ возникнуть въ умахъ учащихся, если ввести въ программу курса психологіи ученіе о душѣ, которое по существу отличается метафизическимъ характеромъ. Вполнѣ убѣдительно всѣ доказательства автора относительно необходимости преподаванія въ средней школѣ психологіи, приводимыя имъ противъ голосовъ тѣхъ, которые ссылаются на недоступность этого предмета для пониманія учащихся средней школы. Доказательства эти особенно цѣнны потому, что они являются не теоретическимъ

только разсужденіемъ автора, а опираются, главнымъ образомъ, на педагогическій опытъ его, какъ результатъ его продолжительной классной работы съ учащимися средней школы. Не приводя другихъ указаній автора на разные вопросы, возникающіе при преподаваніи въ средней школѣ психологіи, считаю необходимымъ упомянуть о вполне научно обоснованномъ доказательствѣ авторомъ необходимости придерживаться методологическаго направленія при преподаваніи логики. Дѣйствительно, только при изученіи логики методологическимъ путемъ, считая ее, прежде всего, ученіемъ о методахъ научнаго изслѣдованія, преподаватель, ограничиваясь тѣмъ матеріаломъ, который даютъ изучаемыя въ школѣ науки, можетъ достигнуть благоприятныхъ результатовъ въ своей работѣ, находясь, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, постоянно въ сферѣ умственной жизни учениковъ. Попутно, дѣлая указанія на разные вопросы по поводу тѣхъ или другихъ сторонъ преподаванія философской пропедевтики, авторъ въ своей книжкѣ упоминаетъ и о наиболѣе общепринятыхъ въ настоящее время въ средней школѣ учебникахъ психологіи и логики, при чемъ вполне безпристрастно выясняетъ ихъ достоинства и недостатки въ томъ или другомъ отношеніи. Въ заключеніе считаю необходимымъ указать на чрезвычайно ясное и живое изложеніе автора, при чемъ эта ясность и живость языка достигается имъ безъ всякихъ излишнихъ упрощеній сложныхъ вопросовъ, что очень часто составляетъ крупный недостатокъ всякаго рода специальныхъ работъ, предназначенныхъ для болѣе или менѣе широкаго круга читателей. Въ виду вышеуказанныхъ достоинствъ, книжка г. Селихановича является очень полезной не только для преподавателей философской пропедевтики въ средней школѣ, но и для всякаго читателя, интересующагося даннымъ предметомъ.

В. Соколовъ.

П. Г. Мижуевъ, «Главные моменты въ развитіи западно-европейской школы». Москва, 1913 г., Книгоиздательство «Польза»: «Педагогическая Академія въ очеркахъ и монографіяхъ». Стр. 213, Ц. 1 руб. 60 коп.

Разсматриваемая книга г. Мижуева, какъ показываетъ самое заглавіе ея, не «исторія педагогики», даже не исторія педагогическихъ ученій, а всего лишь очеркъ развитія школьнаго дѣла въ разныхъ странахъ Западной Европы съ эпохи Возрожденія до XVIII вѣка включительно. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательные моменты въ этомъ развитіи школьнаго дѣла, начиная съ очерка зарожденія въ эпоху Возрожденія самыхъ идеаловъ школьнаго образованія и воспитанія, въ противоположность таковымъ же въ мрачную эпоху Средневѣковья. Здѣсь прежде всего отмѣчается измѣненіе самаго духа преподаванія, его «общей ориентировки»; измѣнились и идеалы воспитанія: дѣятели эпохи возрожденія припомнили и древнюю латинскую поговорку — «mens sana in corpore sano». Сообразно выдвигаемымъ новымъ идеаламъ, стала измѣняться теперь и самая педагогическая практика. Очеркъ педагогической практики и составляетъ самую главную задачу разсматриваемой книги г. Мижуева.

Обзоръ школъ г. Мижуевъ начинаетъ со школы, основанной въ Мантуѣ Витторино Рамбальдони или Витторино да Фельтре — съ его «Счастливаго Дома» или «Дома Счастья», этой первой ласточки педагогической весны. «Въ исторіи школы», заканчиваетъ г. Мижуевъ главу о Витторино и его школѣ, «имя Витторино должно быть всегда чтимо, какъ имя «перваго педагога новаго времени».

наиболѣе талантливаго выразителя здоровыхъ педагогическихъ идей, до которыхъ додумалось человѣчество въ великую, незабвенную эпоху Возрожденія Наукъ и Искусствъ».

Дальше авторъ даетъ очеркъ религіознаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ Реформаціи, съ тѣмъ, чтобы показать, какъ это движеніе отразилось на судьбахъ школы и просвѣщенія, перемѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ центръ педагогической жизни отъ Италіи къ сѣверу. Въ центрѣ какъ самаго религіознаго движенія, такъ и связаннаго съ тѣмъ движенія въ области педагогической, конечно, стоитъ Лютеръ, отношеніе котораго къ вопросу о народномъ просвѣщеніи, его организациіи и обрисовывается въ главѣ IV книги г. Мижужева. Особенно поучительной является мысль Лютера о томъ, что организациія школьнаго дѣла должна составлять предметъ особыхъ заботъ и попеченій общественныхъ властей, а не быть дѣломъ только частной инициативы отдѣльныхъ лицъ, а также мысль не только объ обязательномъ, но даже принудительномъ посѣщеніи дѣтьми школы: правительство, по мнѣнію Лютера, обязано принуждать своихъ подданныхъ посылать дѣтей въ школы.

Слѣдующая глава книги посвящена сподвижникамъ и послѣдователямъ Лютера — дѣятелю по начальнымъ школамъ Іоганну Бугенхагену и дѣятелю главнымъ образомъ по средней школѣ — Филиппу Меланхтону. Глава VI даетъ довольно подробную характеристику школьныхъ воззрѣній Іоганна Штурма, а главное — характеристику и подробную обрисовку строя его гимназіи въ Страсбургѣ. VII глава посвящена характеристикѣ воззрѣній иезуитовъ на школу и школьное дѣло. Здѣсь, на ряду съ выясненіемъ отрицательныхъ сторонъ системы иезуитскаго воспитанія, указывается и на то, что положительнаго внесли иезуиты въ постановку школьнаго дѣла: наличность строгаго порядка и соразмѣренности въ занятіяхъ, разнообразіе въ нихъ заботы о физическомъ воспитаніи и избѣганіе тѣлесныхъ наказаній, элементы самоуправленія учащихся и т. д..

Глава VIII посвящена величайшему изъ педагоговъ — Яну Амосу Коменскому — обрисовкѣ его жизни, педагогическихъ идеаловъ и практической педагогической дѣятельности его. Нарочито выдвигается здѣсь вопросъ о томъ, какъ рѣшалъ Коменскій задачу объ организациіи всей системы школьнаго образованія, какіе выдвигалъ онъ общіе принципы этой организациіи и какіе намѣчалъ пути къ практическому осуществленію этой системы школьнаго воспитанія и обученія. Слѣдующая глава даетъ характеристику школьной практики во Франціи въ XV и XVI вѣкахъ, въ частности же характеризуетъ педагогическую дѣятельность Рабле, Монтэня и Рамюса. Глава X говоритъ о положеніи школьнаго дѣла въ эпоху религіозной и политической реакціи во Франціи въ XVI и XVII вѣкахъ, а равно и о попыткахъ янсенистовъ обновить школьное дѣло на основахъ здравыхъ педагогическихъ идей. Въ главѣ XI говорится о судьбахъ французской школы въ XVIII вѣкѣ: объ организациіи Лассалемъ такъ называемыхъ «школъ христіанскихъ братьевъ», о дѣятельности особой корпораціи учащихся «Ораторіи Іисуса» и нѣкоторыхъ другихъ корпорацій...

Послѣднія четыре главы книги даютъ очеркъ нѣмецкой школы — средней и начальной — въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ частности характеризуются «рыцарскія академіи», школьныя учрежденія Франке (въ Галле), дѣятельность Фридриха-Августа Вольфа, короля Фридриха II Великаго, Эбергарта фонъ-Рохова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Какъ видно изъ обзора содержанія книги, она слѣдитъ главнымъ образомъ за судьбами школьнаго дѣла въ той или иной странѣ, въ связи съ главнѣйшими

теченіями релігійної і общественної мислі в Западній Європі XV—XVIII вѣковѣ. Нить, по котрій авторъ слѣдитъ за развитіемъ школы, улавливается, вѣ общемъ, достаточно легко, но хотѣлось бы, чтобы она проступала выпуклѣе, конкретнѣе и еще замѣтнѣе. Читается книга легко. Нѣкоторыя страницы книги оживляются еще тѣмъ, что авторъ, дѣлая оцѣнку той или иной педагогической мысли или же практическому школьному приему, прибѣгаетъ къ сопоставленію съ современной русской школьной дѣйствительностью, обращаясь иногда къ личнымъ школьнымъ впечатлѣніямъ (см., напр., на стр. 42—43, 118, 120). Вообще авторъ не ограничивается простымъ изложеніемъ тѣхъ или иныхъ педагогическихъ идей или объективной картиной школьной дѣйствительности, а даетъ оцѣнку имъ, сравниваетъ, сопоставляетъ. Это несомнѣнно способствуетъ оживленію книги. Тому же способствуютъ и иллюстраціи въ книгѣ.

П. Аванасьевъ.

Проф. Э. Б. Титченеръ. «Учебникъ психологіи. Университетскій курсъ». Переводъ съ англійскаго прив.-доц. А. П. Болтунова. Изданіе т-ва «Міръ», Москва, 1914 г. ч. I — ц. 1 руб. 35 коп.; ч. II — ц. 1 руб. 35 коп.

Подзаголовкомъ къ книгѣ проф. Титченера — «университетскій курсъ» — опредѣляется какъ объемъ вопросовъ, которые захватываются книгой, такъ и самый характеръ изложенія ея. Книга рассчитана на то, чтобы служить пособіемъ къ университетскому курсу общей психологіи, а потому здѣсь мы находимъ изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ этой науки. Самое изложеніе отличается полнотой и обстоятельностью. Какъ видный представитель экспериментальной психологіи, проф. Титченеръ и въ разсматриваемомъ учебникѣ дѣлаетъ постоянныя ссылки на экспериментальныя психологическія изслѣдованія, при чемъ попутно даетъ и описаніе самыхъ методовъ экспериментальнаго изслѣдованія въ той или другой области психологіи, а равно и оцѣнку этихъ методовъ. Особенно цѣннымъ и оживляющимъ изложеніе книги являются ссылки автора на свои собственныя экспериментальныя изслѣдованія по ряду вопросовъ.

Въ книгѣ мы находимъ не всегда обычную для курсовъ по общей психологіи трактовку вопросовъ. Изложеніе оригинальныхъ взглядовъ и своеобразной трактовки многихъ вопросовъ въ книгѣ не можетъ входить въ задачу настоящей краткой рецензіи: важно лишь отмѣтить то, что многое въ книгѣ разсматривается съ новыхъ сторонъ (отдѣлъ о методахъ психологіи, особенно отдѣлъ объ ощущеніи, отдѣлъ о «чувствѣ» въ I ч. книги въ отличіе отъ «душевныхъ движеній», разсматриваемыхъ во II части книги, и т. д.), а это и придаетъ особенную цѣнность книгѣ, которая не является повтореніемъ привычныхъ курсовъ общей психологіи.

Русскій переводчикъ учебника проф. Титченера прив.-доц. г. А. Болтуновъ, указавъ въ своемъ предисловіи къ переводу на рядъ достоинствъ переведенной имъ книги и «полагая, что удачный выборъ цѣннаго въ научномъ отношеніи фактическаго матеріала, осторожность и объективность теоретическихъ построеній, рѣдкая доступность изложенія и указанія литературы для самостоятельнаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ не только даютъ читателю возможность хорошо ориентироваться въ кругу проблемъ современной научной психологіи, но и способствуютъ углубленію его интереса къ этой наукѣ», рекомендуетъ книгу, «какъ для начинающихъ, такъ и для желающихъ пополнить свое психологическое обра-

зованіе». Совершенно присоединяясь къ доводамъ г. Болтунова въ пользу книги проф. Титченера, мы бы не рѣшились рекомендовать учебникъ Титченера «начинающимъ»: книга несомнѣнно рассчитана на читателя, уже достаточно знакомаго съ психологической литературой и не по элементарнымъ только курсамъ и учебникамъ. Зато вполне охотно присоединяемся къ рекомендаціи «университетскаго курса» проф. Титченера для желающихъ пополнить свое психологическое образованіе.

П. Аванасьевъ.

В. Ключевскій, «Отзвы и отвѣты». Цѣна 2 р. 50 коп. Москва. 1914 г.

Опубликованіе научнаго наслѣдія проф. В. О. Ключевского довольно энергично двигается впередъ. Появился уже третій томъ статей покойнаго историка, заключающій въ себѣ журнальныя рецензіи, отзвы по порученію Академіи Наукъ и полемику. Если извѣстный курсъ русской исторіи даетъ представленіе о Ключевскомъ — синтетикѣ, съ изумительнымъ талантомъ и художественностью изображающемъ общій ходъ русскаго историческаго развитія, а объ его диссертациі и первые два тома статей знакомятъ съ Ключевскимъ — аналитикомъ, детальнымъ изслѣдователемъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ древне-русскаго прошлаго, то настоящій сборникъ статей даетъ представленіе о Ключевскомъ — критикѣ и полемистѣ. Всѣ посѣщавшіе магистерскіе и докторскіе диспуты по русской исторіи въ Московскомъ университетѣ хорошо помнятъ блестящія выступленія В. О. Ключевского въ качествѣ оппонента, нерѣдко представлявшаго въ своихъ возраженіяхъ цѣлыя контръ-изслѣдованія.

Всѣ отличительныя особенности таланта В. О. Ключевского — громадная эрудиція, детальнѣйшій анализъ источниковъ, блестящее и тонкое остроуміе, нерѣдко язвительное и убійственное для противника — сказываются въ его критическихъ статьяхъ и полемическихъ отвѣтахъ. Хотя рецензіи касаются, въ большинствѣ случаевъ, специальныхъ историческихъ и историко-юридическихъ изслѣдованій, онѣ представляютъ, однако, широкій научный и методологическій интересъ для всякаго, интересующагося вопросами отечественной исторіи. Особенно слѣдуетъ отмѣтить полемику съ проф. В. С. Иконниковымъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, рецензіи на труды Щапова, Горчакова, Суворова, Самарина, С. О. Платонова, Н. Д. Чегулина, Рожкова и Бернгарди. Яркимъ образцомъ убійственной критики В. О. Ключевского является его разборъ книги извѣстнаго французскаго историка Альфреда Рамбо, «Histoire de la Russie» (кстати сказать, весной истекшаго года появилось въ Парижѣ новое изданіе этой книги). Ключевскій отмѣчаетъ цѣлый рядъ неточныхъ и невѣрныхъ представленій А. Рамбо, граничащихъ нерѣдко съ полнымъ невѣжествомъ, напр. знаменитый Преображенскій приказъ Петровскаго времени Рамбо переводилъ, какъ «bureau de la reformation»). При этомъ компетентный критикъ тонко иронизируетъ надъ претенціознымъ желаніемъ автора дать нѣчто новое и для русскаго читателя въ особо выпущенномъ для этого изданіи (книга Рамбо подъ заглавіемъ «Живописная исторія Россіи» появилась и въ русскомъ переводѣ). Заключаетъ разбираемый третій томъ переводъ нѣмецкой статьи Ключевского, посвященной обстоятельному разбору труда Бернгарди «Geschichte Russlands». Привѣтствуя появленіе настоящаго тома, мы искренно желаемъ, чтобы за нимъ послѣдовали и дальнѣйшія новыя изданія классическихъ трудовъ нашего извѣстнаго историка.

И. Бороздинъ.

— М. Е. Фармаковской изготовленъ образецъ похвального листа для награжденія въ текущемъ году особо успѣвающихъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства съ художественно исполненными иллюстраціями на темы происходящихъ нынѣ великихъ событій. Мин. Нар. Пров. проситъ обратить вниманіе на это изданіе, въ цѣляхъ распространенія его среди учебныхъ заведеній.

— Вышедшая изъ печати въ 1914 г. книга: Изъ исторіи Москвы. 1147—1913. Съ 350 рисунками В. В. Назаревскаго (цѣна 2 р. 50 к. въ переплетѣ 3 руб.), Уч. Ком. Мин. Нар. Пров. признана заслуживающею вниманія при пополненіи уч. библиотекъ ср. уч. зав. и заслуживающею вниманія при пополненіи бесплатн. нар. чит. и библиотекъ (Журн. Мин. Нар. Пров., сент. 1914 г., стр. 81 и 86). Изданіе это, при обиліи тщательно исполненныхъ рисунковъ, представляетъ систематическій и вмѣстѣ наглядный обзоръ исторіи Москвы, отъ ея основанія до нашего времени, по ея вещественнымъ памятникамъ (храмы, зданія, иконографическія изображенія, рукописи, печати, монеты, одежды, другія бытовья принадлежности, виды мѣстностей и т. п.). Полезное, какъ пособіе при прохожденіи соответствующихъ эпохъ русской исторіи, оно можетъ служить подготовительнымъ руководствомъ для экскурсій по Москвѣ.

Вышла новая книга: *Педагогическій Сборникъ* для учащихся, дѣятелей по народному образованію и родителей. Содержаніе: 1) Введеніе (отъ Издательской Комиссіи). 2) Академикъ *А. Ѡ. Коци*, Къ вопросу о нравственно-религіозномъ воспитаніи. 3) Академикъ *Эмиль Бутру*, Нравственность и преподаваніе морали. 4) Профессоръ *М. Э. Сэдлеръ*, Сила духовнаго вліянія въ нравственномъ воспитаніи. 5) Проф., *П. Ф. Кантнеревъ*, Расширеніе дѣтской индивидуальности. 6) Проф. *Н. С. Карцовъ*, Развитіе альтруистической дѣятельности у дѣтей. 7) *Г-жа Ударъ*, Родина и семья въ старыхъ гравюрахъ и картинахъ. Въ изложеніи *И. В. Ковалевской*, 8) *В. А. Волковичъ*, Религіозное начало въ нравственномъ воспитаніи. 9) *И. В. Ковалевская*, Вліяніе города на нравственное воспитаніе. 10) *Е. Н. Янжуль*, Примѣненіе педагогическихъ идей Монтессори къ начальной школѣ. 11) *З. К. Столица*, Вниманіе и условія его развитія. 12) *Н. А. Альмедингенъ*, Очередныя задачи дѣтской и юношеской литературы. 13) *С. М. Познеръ*, Основы семейнаго воспитанія по Лесгафту. 14) *Д-ръ Л. И. Чулицкая-Тихьева*, Школа въ отношеніи здоровья учащихся. Изданіе Петроградскаго Общества Грамотности. Складъ и зданіе: Театральная ул. № 5. Телефонъ 95—78. Имѣется и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна 50 коп. Книгопродавцамъ, земскимъ и городскимъ складамъ, инспекціямъ народныхъ училищъ и пр., — 20% уступки.

Опечатки.

Въ № 2 «Педагогическій Вѣстникъ», на стр. 90 подѣ отзывомъ о книгѣ Сиротинина «Россія и славяне» стоитъ «С. Кр-ій», слѣдуетъ читать «А. Кр-ій».

Въ № 3 «Пед. Вѣстн.», на стр. 63 просимъ исправить: на 9-й строкѣ сверху вмѣсто *домовой* надо *дешевой*. На строкѣ 14-й — $\frac{1}{9}$ к. сент. (!?) надо $\frac{1}{9}$ куб. саж.

